
С. И. НИКОЛАЕВ

**«Сенека христианский»
в переводе рубежа XVII – XVIII вв.**

Судьба греко-римского наследия в русской литературе стала предметом пристальных исследований только в начале XX в. За истекшее столетие сложилась и прижилась в историографии концепция, согласно которой восприятие античности на Руси проходило в духе антикизирующих тенденций европейского Ренессанса, а начиная с эпохи русского классицизма и вовсе не отличалось от современной европейской практики. В вышедшей четверть века назад книге об античных традициях в древнерусской литературе XI–XVI вв. Д. М. Буланин убедительно показал, что в Древней Руси господствовала концепция конфессиональной детерминированности восприятия античности, не имеющая никаких связей с западноевропейскими трактовками античного наследия в эпоху Возрождения.¹ С русским XVIII в. дело обстоит по-прежнему. Не столь уж давняя статья В. П. Гребенюка, О. А. Державиной и А. С. Елеонской «Античное наследие в русской литературе XVII – начала XVIII века» завершается вполне в прогрессистско-эволюционном тоне: «Освоение античного наследия в петровское время имело большое значение: был заложен фундамент и создан арсенал античных образов и аллегорий, на которые смогла опереться литература формирующегося классицизма».² Считается, и для этого есть основания, что начавшийся со времени Петра I процесс секуляризации культуры и прямого обращения к античности привел к культурно-историческому восприятию греко-римского наследия. Действительно, в перспективе этот путь оказался магистральным для русской литературы. Множество переводов произведений античной литературы, учтенных в целом ряде библиографических

¹ См.: Буланин Д. М. Античные традиции в древнерусской литературе XI–XVI вв. München, 1991.

² Гребенюк В. П., Державина О. А., Елеонская А. С. Античное наследие в русской литературе XVII – начала XVIII века // Славянские литературы. VIII Междунар. съезд славистов. Загреб; Любляна, сент. 1978 г.: Доклады советской делегации. М., 1978. С. 214.

изданий, только подтверждают это, наглядно показывая количественные приращения.³ Однако в этих номенклатурных перечнях теряется одна забытая тенденция восприятия античности, особенно заметно проявившаяся в эпоху барокко, для которой смешение христианского и языческого было как раз типично.

Новый этап проникновения греко-римского наследия в русскую литературу начался не после петровских реформ, а еще на рубеже XVII—XVIII вв., и он был опять связан с конфессиональной детерминированностью, но теперь место византийских христианских парафраз заняли новолатинские парафразы, вышедшие из иезуитских кругов и посвященные христианизации античности. Особенно подходящими для этой тенденции были сочинения стоической школы, посвященные моральной проблематике. При отсутствии в философском или моралистическом произведении древнего автора откровенных противоречий с православной догматикой оно вполне могло служить целям ортопраксии и для православных, т. е. моральному поучению в повседневном поведении, на бытовом уровне. Их обработка сводилась к выборочному цитированию мест, не противоречивших христианской доктрине, и некоторой стилистической ретуши, например, замене множественного числа на единственное, пропуске имен собственных и т. д.

Самым ранним памятником новых веяний стал рукописный перевод «Сенека христианин», до сих пор не привлекавший внимания исследователей и дошедший до нашего времени, видимо, в единственном списке начала XVIII в., который хранится в библиотеке Уппсальского университета.⁴ В рукописи указано, что перевод осуществлен по римскому изданию 1658 г.: «Сенека христианский. В Риме, типом Драгонелля, 1658 году. Началнейших же произволением» (л. 2 об.). Оригинал перевода — «*Seneca christianus collectus e Senecae sententiis ad mores instituto christianae perfectionis formandos*». Книга выходила и под другими названиями: так, в 1696 г. она вышла под названием «*Seneca christianus, id est Flores christiani ex L. Ann. Senecae epistolis collecti*». Книга представляет собой выборку из знаменитых нравственных писем Сенеки, разделенную на 38 глав. Она была исключительно популярна и в XVII—XVIII вв. переиздавалась около 30 раз в разных европейских странах, сборник был переведен также на немецкий и венгерский языки. По объему книга сильно уступает «Нравственным письмам» Сенеки, обычно она печаталась в восьмую долю листа и насчитывала около 100 страниц, но были издания и меньшего формата. Первое издание вышло в Аугсбурге в 1637 г., подготовил книгу немецкий иезуит Иоганн Баптист Шелленберг (1586—1645).⁵ Составителем сборника называли и итальянского иезуита Игнацио Бомпиано, как раз ему приписыва-

³ См., например.: Античная поэзия в русских переводах XVIII—XX вв.: Библиографический указатель / Сост. Е. В. Свиясов. СПб., 1998.

⁴ Библиотека Уппсальского университета, Slav. 36. См.: *Davidsson C. Den slaviska handskriftssamling i Uppsala universitetsbibliothek // Slavica Lundensia. Lund, 1975. Vol. 3. P. 66.* Благодарю О. Янссон за возможность ознакомиться с рукописью. Далее в статье в скобках указываются листы рукописи.

⁵ См.: *Sommervogel C. Bibliothèque de la Compagnie de Jésus. Bruxelles, 1896. T. 7. Col. 741—742.*

лось римское издание 1658 г., по которому и был сделан перевод,⁶ но оно вышло два десятилетия спустя после издания Шелленберга.

Рукопись перевода принадлежала И. Г. Спарвенфельду, на л. 2 об. (титальный лист перевода) есть его роспись («J. G. Sparwenfeldt») и его же приписка на шведском языке: «Verteradt i Stockholm 1702 ok reenscrivet av Resid. Chilkows secreterare med dhenna Cantzli hand och styl» («переведено в Стокгольме 1702 и переписано начисто резидента Хилкова секретарем с характерной этой канцелярии рукой и стилем»). В той же библиотеке хранится рукопись «Эпиктетов Энхиридион и Таблица Кебета» с припиской Спарвенфельда, в которой сказано, что перевод выполнен им в 1710 г.: «Verterat av latijn 1710 med tabula coebetis J. G. S. ok renskrifvet i Stockh. af Manchiewitsch secret. af Ryska Resid. Chilkow» («Переведено с латыни 1710 с Tabula Coebetis Ю. Г. С. <Юханом Габриэлем Спарвенфельдом> и переписано начисто в Стокгольме Манхиевичем секретарем русского резидента Хилкова»).⁷ С этой рукописью ознакомиться пока не удалось. Вероятнее всего, что и перевод Сенеки был выполнен Спарвенфельдом. Обе рукописи переписаны А. И. Манкиевым отличным полууставом конца XVII в. Нет оснований считать, что при переписке он мог править язык перевода.

Как и в латинском оригинале, в переводе 38 глав. Вот названия некоторых в рассматриваемом переводе:

- Глава 1. О теплом исправлении всего живота нашего.
- Глава 3. О размышлении смерти.
- Глава 5. Противу тщого и мирского знания.
- Глава 6. О познании самага себе.
- Глава 8. О побеждении безчинных вожделений.
- Глава 10. О помышлении бедности человеческия.
- Глава 14. О постоянстве и крепости во приключаящихся противных случаих.
- Глава 15. О краткости живота.
- Глава 20. Едина точию доброта во житии сем блаженнаго творит.
- Глава 24. О бедах и скорбех жизни сея.
- Глава 25. О слепоте тех, иже жизнь мирскими сладостями преходят.
- Глава 32. Яко тщетная человеческая о нас разсуждения презирати достоит.
- Глава 33. О мерзском пьянства злонравии.

Вот несколько фрагментов из перевода. «Глава 15. О краткости живота. Никтоже толь есть незнающий, да не весть когда-либо себе умрети, обаче аще ближе приидет, вспять обращается, трепещет, рыдает. Не мнит ся ли тебе, безумнейший, иже восплакал бы, яко пред тысящию лет не поживе. Воистинну, безумен есть, иже плачет, яко по прешедшей тысящи лет не поживет»;⁸ «Глава 19. О взыскании внутреннего упокоения. Душу изменить, а не воздух имаша. Хоть бы еси широкое преплыл море, злонравия возсле-

⁶ См.: *Sommervogel C. Bibliothèque de la Compagnie de Jésus. Bruxelles, 1890. T. 1. Col. 1685.*

⁷ *Davidsson C. Den slaviska handskriftssamling i Uppsala universitetsbibliothek. P. 68.*

⁸ Ср.: «Cap. 15. De brevitate vitae. Nemo tam imperitus est, ut nesciat sibi quandoque moriendum, tamen cum prope accesserit, tergiversatur, tremat, plorat» (Seneca christianus. Romae, 1680. P. 44–45).

дуют ти, аможе преjdeши. Что чюдишися, яко ничтоже ползует странствование, егда около носишися? Утесняет тя вина таяжде, яже изгнала есть. Что новостъ земель помощи может? Что познание градов или мест? Ни во что же будет хваление сие»; «Глава 33. О мерзком пьянства злонравии. Коль скаредно есть множае вбирати в себе, нежели содержати можно, и желудка своего не знати меры. Коль многая творят пьянии, ихже трезвии суще стыдятся. Ничтоже ино есть пьянство, яко самоволное нездравие» (л. 29, 38—38 об., 76). Хотя в переводе иногда просматривается латинский синтаксис, а в лексике — новые веяния («пункт», «фортуна»), к этому точному переводу на церковнославянский (или гибридный церковнославянский) язык можно без труда подыскать параллельные места в русской учительной литературе того времени.

Спарвенфельд был тонким лингвистом, он составил огромный славяно-латинский словарь, писал на церковнославянском языке стихи и прозу.⁹ Тем не менее в переводе встречаются необычные слова, по старой лексикографической традиции их можно назвать «словами, рожденными в чернильнице».

Вот примеры только из названия глав:

Глава 2. О возлюблении одиночества и молчания (л. 3 об.).¹⁰

Глава 23. Яко истинное убожество великих благ есть родитилице (л. 52);¹¹

Глава 28. Яко многшеимство человека вгняет в многая беззакония (л. 68).¹²

Вот примеры неудачно звучащих выражений:

аще душа отварчевает (л. 23 об.);

инаго желание чести ... опечалает (л. 33);

слезы не будут нам прежде вин жаления (л. 33);

сюду и туду искушенни (л. 33);

кудѣ (т. е. куда) (л. 32).

Любопытна описка в рукописи, видимо, Манкиева: «...а царь приумфальный конем единым доволен бываше» (л. 54), следовало бы исправить на «триумфальный», но переписчику это слово было еще в новинку.

В качестве примера языка и стиля перевода приведу полностью самую маленькую главу, состоящую из одного абзаца:

«Глава 9. Како со всеми дружество и мир сохранити подобает.

Сопричастия всех вещей между нами творит дружество. Никтоже может блаженно¹³ жити, иже себе точию призирает, иже вся в ползу себе обращает. Другому

⁹ См.: Быкова Т. А. К истории русского тонического стихосложения: (Неизвестное произведение И. Г. Спарвенфельда) // XVIII век. М.: Л., 1958. Сб. 3. С. 449—453; *Lexicon Slavonicum* / Ed. U. Birgegerd. Uppsala, 1987—1990. Т. 1—4; *Биргегорд У.* Плачевная речь по Карлу XI-му на русском языке // Подобаетъ память сътворити: Essays to the Memory of A. Sjöberg. Stockholm, 1995. С. 25—37 (*Acta Universitatis Stockholmiensis. Stockholm Slavic Studies. Т. 24*); *Birgegerd U.* Johan Gabriel Sparwenfeld and the *Lexicon Slovenicum: His Contribution to 17th Century Slavonic Lexicography.* Uppsala, 1985.

¹⁰ *solitudinis* (лат.).

¹¹ *parens* (лат.).

¹² *avaritia* (лат.).

¹³ Вставлено над строкой.

да живеши тебе есть, аще тебе хоцеши жити. Сие клеветство¹⁴ прилежно и свято хранитися подобает, иже¹⁵ разсуждает быти общее некое разсуждение рода человека: лишше ко правлению сего внутреннего братства дружества поступает. Яко безумен есть, иже коня купуяи не его смотрят, но его одежду и броды, тако безумнейший есть, иже человека или по одежде, или по его чину, кая одежда токмо покрила есть, нас подражает. Раб некий есть и негли волен сердцем. Раб есть сие ничтоже его вредит, покажи мне кто несть. Сия заповеди моя сила есть: тако с нижайшим живи, якоже высочайшему с тобою жити еси восхотел» (л. 17–17 об.).

Темные и не очень понятные места в переводе встречаются довольно часто. После изготовления списка Манкиевым Спарвенфельд приступил к правке перевода. Правка сделана скорописью более светлыми чернилами прямо в тексте или на полях рукописи. Правка была двух видов. Во-первых, лексическая и стилистическая. Вот несколько примеров (сначала приводится первоначальное чтение, затем — исправленное):

иностранное содержит место — иностранное имать место (л. 3);

Никая же вещь — Ни едина же вещь (л. 3 об.);

егда тщеславию о нас в народе носящуся привязуемся — егда к вести слагаемся (л. 4);

ничтоже убо право ползует — ничтоже убо праведно ползует (л. 4 об.);

яже нападает и лстит — яже влазит и лстит (л. 4 об.);

От человека человеку насущное страдание — От человека человеку насущное бедство (л. 5);

Буря свирепствует прежде даже не встанет — Буря грозит прежде даже не встанет (л. 5);

Малоглаголива тя быти повелеваю — Не скороглаголива тя быти повелеваю (л. 5);

Жити во вся жизнь — Жити во всем житии (л. 5);

потребу — нужду (л. 6);

отстати — лишитися (л. 6 об.);

в научение — в обучение (л. 6 об.);

искушатися чадом повелевают — обучатися чадом повелевают (л. 7);

Отеческое Бог к нам положил есть признание — Отеческое Бог к нам имать сердце (л. 7);

Чесо ради Бог всякого праведного или нездравием, или бедою, или непокойным житием насещает. — Чесо ради Бог всякого праведного или нездравием, или печалию, или непокойным житием насещает (л. 7 об.);

останови — укосне (л. 13);

О победении безчинных вожделений — О преодолении безчинных вожделений (л. 14).

Во-вторых, переводчик вставлял пропущенные в переводе слова. Этих примеров немного, поэтому трудно судить, слышал ли Спарвенфельд список Манкиева со своим черновиком или с латинским оригиналом. Например: «Никтоже может блаженно жити, иже себе точию призирет» (л. 17) — *блаженно* вписано скорописью над строкой. Это пропущенное в списке Манкиева *beate* оригинала.

¹⁴ *Испр. над строкой из братство (лат. societas).*

¹⁵ *Испр. над строкой из который.*

Но работа по правке не была завершена, последняя правка внесена на л. 25, далее правки нет, видимо, работа была оставлена, хотя на л. 67 к словам *истинное положено есть* на поле добавлена вставка после слова *истинное* — *щаст* (слово обрезано при переплете), опять в соответствии с латинским оригиналом.

Есть все основания считать, что из-под пера Спарвенфельда вышел не труд по стоической философии, а руководство по христианской этике, что видно по приведенным отрывкам. Другие списки перевода Спарвенфельда неизвестны, вряд ли он попал в Россию, хотя Манкиев, например, вскоре вернулся на родину и вполне мог бы привезти его в Россию. Но называть эпизод с переводами Спарвенфельда беспоследственным было бы несправедливо. Шведский лингвист тонко уловил актуальные веяния в процессе христианизации античности и попытался донести их до русского читателя, хотя и не очень ясно, как он предполагал сделать свои переводы Сенеки и Эпиктета доступными для русского читателя, ведь переводил он с латыни на церковнославянский все-таки не для шведов.

Близость философии Сенеки к христианской морали на рубеже XVII—XVIII вв. была отмечена и у восточных славян. Так, его труды были хорошо известны в кругах Киево-Могилянской академии.¹⁶ У Феофана Прокоповича было несколько изданий Сенеки, в том числе «*Flores sive sententiae insignioris*» (1642),¹⁷ а у Стефана Яворского была как раз искомая книга «*Seneca christianus, seu flores ex antiquo Seneca*».¹⁸ Среди несохранившихся переводов из собрания кн. Д. М. Голицына, известных по описи его библиотеки 1737 г., значится «Книга, титулованная Разум Сенекин, или Лутчия речения сего философа».¹⁹ Студент Александро-Невской семинарии Георгий Балашев в 1747 г. перевел с латыни сочинение «Сенека христианский» (перевод сохранился в рукописи в РГБ).²⁰ В 1765 г. в Москве вышла книга «Лучи мудрости, или Нравоучительныя и полезнейшия разсуждения Сенеки и Плутарха и прочих славнейших в древности мужей, изыскивающия истинный путь к добродетели и блаженной жизни, исполненныя различными и самонужнейшими к тому примерами», переведенная студентами богословия московской Славяно-греко-латинской академии. В 1783 г. вышли из печати «Сенеки христианствующаго нравственныя лекарства, составленныя из кратких здравых разсуждений, которыми каждый без помощи другаго может уврачевать душу свою страждущую пороками, или Нужнейшия наставления способствующия к исправлению нравов человеческих и к приобретению истиннаго благополучия, выбраны из писем Л. А. Сенеки, мужа как ученостию, так наипаче добродетелями в древности отменно

¹⁶ См.: Захара И. С. Философское наследие Сенеки в Киево-Могилянской академии // Отечественная философская мысль XI—XVII вв. и греческая культура. Киев, 1991. С. 266—273.

¹⁷ См.: Феофан Прокопович. Філософські твори: В 3 т. / Переклад з латинської. Київ, 1981. С. 391.

¹⁸ См. Маслов С. И. Библиотека Стефана Яворского. Киев, 1914. С. XVII.

¹⁹ См.: Градова Б. А., Клосс Б. М., Корецкий В. И. К истории Архангельской библиотеки Д. М. Голицына // Археографический ежегодник за 1978 г. М., 1979. С. 241.

²⁰ См.: Музейное собрание рукописей: Описание. М., 1997. Т. 2 (№ 3006—№ 4500). С. 209.

прославившагося». Свой перевод с латинского языка студент московской академии Александр Мельгунов почтительно посвятил архиепископу Платону, а в «Предуведомлении» он привел и название оригинала «душеполезных наставлений» — «*Seneca christianus*». Там же Мельгунов охарактеризовал оригинал следующим образом: «Некто из ученых мужей рассудил из всех оных (писем Сенеки. — С. Н.) выбрать только одни нравоучительные и, переменяв обыкновенную писем форму, сделать оные короткими рассуждениями, присовокупя к ним тут же многие места из писанных оным же философом рассуждений, как то: о блаженстве жизни, о спокойствии духа и прочих». Суть христианизации классического автора изложена тут достаточно кратко и точно. В 1786 г. в Петербурге вышла небольшая книжечка с достаточно прозрачным названием «Луция Аннея Сенеки О управлении мира, о божии промысле и как многая злая благим мужам случаются». Других отдельных переводов, связанных с именем Сенеки, в России в XVIII в. не было.

Все эти переводы были выполнены выпускниками Киевской или Славяно-греко-латинской академий и были благосклонно приняты православным духовным начальством. Не приходится сомневаться, что христианские парафразы произведений античных писателей, Сенеки и Эпиктета, — это не случайный эпизод, а целенаправленная работа по примирению античного и христианского, а названные классические писатели оказывались в естественных союзниках, разумеется, после соответствующей обработки.²¹ И начало этой работе положил шведский дипломат, полиглот и лингвист Иоганн Габриэль Спарвенфельд.

Но вот что примечательно. Если обратиться к новейшим обзорным и справочным трудам, то складывается следующая картина. В вышедшем в 2010 г. объемистом справочнике «Классическая традиция», посвященном судьбам греко-латинского наследия в последующих веках, Сенеке посвящена большая и дельная статья, но о иезуитских переработках в ней нет ни слова.²² В 2012 г. вышел том «Нового Паули», посвященный рецепции классической литературы. Статья о Сенеке обширна и насыщена материалом, но книга «*Seneca christianus*» и тут не упомянута.²³ Только в бриллевском путеводителе 2013 г. по Сенеке один раз, и то мимоходом, упомянуто издание XVII в., подготовленное Шелленбергом, с отсылкой к библиографическому словарю писателей-иезуитов Зоммерфогеля.²⁴ Не лучше обстоит дело и в отечественной науке. В 2007 г. А. И. Любжин выпустил книгу «Римская литература в России в XVIII — начале XX века: Приложение к “Истории

²¹ Известны схожие обработки не только философских трудов, но и античной поэзии, см.: Николаев С. И. К предыстории Горация в России // *Reflections on Russia in the Eighteenth Century*. Köln; Weimar; Wien, 2001. P. 303–314.

²² См.: *The classical tradition* / Ed. A. Grafton, G. W. Most, S. Settis. Cambridge (Mass.); London, 2010. P. 873–877.

²³ См.: *Brill's New Pauly. Supplements. V. 5: Reception of classical literature* / Ed. by Ch. Walde in collaboration with B. Egger. Leiden; Boston, 2012. P. 401–427.

²⁴ См.: *Brill's companion to Seneca, philosopher and dramatist* / Ed. G. Damschen, A. Heil with the assistance of M. Waida. Leiden; Boston, 2013. P. 65. См. также: *Ciholas P. The Omphalos and the Cross: Pagans and Christians in Search of a Divine Center*. Macon, 2003. P. 247–248.

римской литературы» М. фон Альбрехта». ²⁵ Сенеке посвящено несколько страниц, но о названных русских изданиях XVIII в. нет ни слова. Не упомянул их и М. Окенфусс в своей интересной, хотя и очень пристрастной книге с характерным названием «Взлет и падение латинского гуманизма в России раннего Нового времени: Языческие авторы, украинцы и невосприимчивость Московии». ²⁶

Авторов этих трудов можно понять. Сборник «*Seneca christianus*» и его русские переводы и переработки — это все же не подлинный Сенека, но это и не откровенный фальсификат, как, например, подложная переписка Сенеки с апостолом Павлом, изготовленная в IV в., это препарированный Сенека, приспособленный для христианской морали и ей не противоречащий. В любом случае, это часть истории европейской культуры XVII—XVIII вв., а также и русской культуры (других русских переводов Сенеки в XVIII в. не было). И в журналах XVIII в., особенно масонских, издававшихся Н. И. Новиковым, печатались переводы фрагментов из подобных изданий Сенеки. Не учитывая этой традиции, мы обедняем и упрощаем историю восприятия античной литературы в России.

²⁵ См.: Любжин А. И. Римская литература в России в XVIII — начале XX века. Приложение к «Истории римской литературы» М. фон Альбрехта. М., 2007. С. 150—154.

²⁶ См.: *Okenfuss M. J. The Rise and Fall of Latin Humanism in Early-Modern Russia: Pagan Authors, Ukrainians, and the Resiliency of Muscovy.* Leiden; New York, 1995.